

Юрий Ротенфельд

ФИЛОСОФИЯ, ИЛИ ТЕНЬ МУДРОСТИ

Альтернативное толкование ранней
греческой философии

Юрий Ротенфельд

**Философия, или Тень мудрости.
Альтернативное толкование
ранней греческой философии**

«Издательские решения»

Ротенфельд Ю.

Философия, или Тень мудрости. Альтернативное толкование ранней греческой философии / Ю. Ротенфельд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856770-4

Как знание общего, философия появилась в результате осмысления мира ранними греческими философами: Фалесом, Пифагором, Гераклитом и другими учеными, которые за ее начала принимали конкретно-всеобщие сравнительные понятия. Тогда как Парменид, Сократ и Платон выбирали начала не среди сравнительных, а среди классификационных понятий, что нанесло непоправимый ущерб философии как науке. Последним, кто защищал философию от разгрома, был Аристотель. Но в главной его мысли он так и остался непонятым.

ISBN 978-5-44-856770-4

© Ротенфельд Ю.
© Издательские решения

Содержание

I. Зарождение и структура философского мышления	6
1. Введение	6
2. Три типа мышления	7
3. Исходный «наблюдательный пункт»	10
4. У истоков мировоззрения	12
II. Первые греческие философы	15
1. Милетская школа	15
2. Пифагор и пифагорейцы	19
III. Начало конфликта	23
1. Гераклит: «гармония лука и лиры»	23
2. Элеаты: «путь истины»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Философия, или Тень мудрости Альтернативное толкование ранней греческой философии

Юрий Ротенфельд

© Юрий Ротенфельд, 2024

ISBN 978-5-4485-6770-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выражаю благодарность моим друзьям и коллегам, поддерживающих и разделяющих мои идеи.

Благодарю жену – первую слушательницу, самого строгого критика и самого сильного моего сподвижника и вдохновителя.

Редактор *Л. А. Дорожина*

Все права защищены.

Первое издание этой книги, датированное 1999 годом, называлось «ЗАПЕЧАТАННАЯ КНИГА. *Философия, или тень мудрости. Книга 2.* Второе издание оставляет содержание книги неизменным, поскольку я хочу чтобы читатели, переходя от этой к другим моим книгам могли видеть развитие как моих идей, так и моего мышления. Но изменилось название книги. Теперь она называется «ФИЛОСОФИЯ, ИЛИ ТЕНЬ МУДРОСТИ. Альтернативное толкование ранней греческой философии».

I. Зарождение и структура философского мышления

«Все другие науки более необходимы, нежели философия, но лучшие – нет ни одной». Аристотель

1. Введение

В первом издании книги, вышедшем незначительным тиражом, мы использовали всего несколько сравнительных понятий. Это *соотнесенное, противоположное, ортогональное*. Сегодня стало понятным, что их значительно больше. Найти и выстроить их одно за другим в ряд – это значит по-новому взглянуть и на окружающий мир и на саму философию, расширить круг изучаемых ею проблем, сделать наше суждение о мире и человеке более объективным. Получив язык конкретно-всеобщих сравнительных понятий, люди научатся понимать не только природу, но и общество, их единство.

С этих позиций предлагали осмысливать мир философы Древней Греции – мудрецы небольшого древнего народа. Однако, именно эта часть их духовного наследия осталась для науки загадкой. Поэтому, целью данной книги, второе издание которой оставляет неизменным первое издание, является освещение именно этих не замеченных и не понятых идей и взглядов древнегреческих мудрецов. Тогда как ни одно из современных направлений философии не пошло по намеченному древнегреческими учеными пути, т.е. по пути использования сравнительных понятий, превращающих философию в объективную науку.

Книга может быть полезна всем, кто хочет познакомиться с альтернативным толкованием ранних философских учений, кто хочет, наконец, понять, почему современная философия не в состоянии ответить на многие из тех вопросов, которые традиционно считаются ее хлебом и которые всегда волновали мыслящих людей.

Сложившийся в течение многих столетий, а точнее, в течение двух с половиной тысяч лет рассудочный абстрактно-всеобщий способ мышления отделил философию от конкретных наук, превратил ее в мнимую мудрость, в субъективную наукообразную схоластику, хотя и полезную для развития мышления, но неспособную решать многие мировоззренческие проблемы.

На мой взгляд, эти существенные недостатки философии можно устранить, если исходить из того, что осмысливать реальность нужно не вообще, не с субъективных позиций, а исключительно с тех или иных, вполне определенных точек зрения как это, например, имело место в учениях первых греческих мудрецов. Иначе говоря, релятивной действительности, нужна соответствующая философия.

К сожалению, ни более поздняя античная, ни средневековая, ни даже современная философия не сумели с полной ясностью выявить эти «наблюдательные пункты». Отсюда размытость и неопределенность философских мнений, субъективность, а, следовательно, расхождения в их толковании. Отсюда столкновения между философскими направлениями и невозможность добиться взаимопонимания между философами.

В связи с чем, немаловажное значение приобретают следующие вопросы:

- о нахождении разнообразных точек зрения на мир;
- о выявлении сходства или различия между философскими учениями, стоящими на этих гносеологических позициях;
- об отличии собственно философского мышления от всех других его типов.

Приступить к обсуждению и решению этих проблем, на мой взгляд, лучше всего с последнего вопроса.

2. Три типа мышления

Мышление – это творческая способность человека, заключающаяся в сложном отражении сущности предметов и явлений действительности с помощью абстракций. Наиболее простыми единицами мыслительной деятельности, ее формами выступают понятия, благодаря которым строятся другие формы мышления. Понятия фиксируют то общее, что присуще всему классу объектов, независимо от их частных признаков. Поэтому, знание, есть нахождение одинакового, тождественного в чувственных образах и выражение этого одинакового в классификационных (качественных), сравнительных и количественных понятиях, благодаря которым можно осмысливать реальность. Но сами понятия не воспринимаются органами чувств, они только мыслятся. Чувствами воспринимаются только вещи и отношения между ними.

Столкнувшись с многообразием мира, человеческий разум вынужден был разделить его на части, в которых намечались более мелкие участки. Чтобы не заблудиться, нужно было обозначить их словами, с помощью которых в естественном языке разграничивались те или иные качества, закреплялись и накапливались представления о предметах и явлениях природы. Это позволяло сравнивать вещи: отличать или отождествлять их.

Так возникли *классификационные или качественные* понятия, пользование которыми можно отнести к первому типу мышления. Зародившись на заре человеческого общества, этот тип мышления развивается и по сей день. Языком классификационных понятий пользуются представители различных наук, люди высокой культуры: поэты, писатели, политики.

Принято считать, что глубокие мировоззренческие концепции могут быть выражены на литературном или обычном разговорном языке. Однако это не так: подобно математическому знанию, выражаемому через математические абстракции, философское знание можно передать только посредством философского языка. Поэтому на каком-то этапе развития появляется необходимость в философии, схватывающей единство в различии и различие в единстве. Появляется потребность в мудром слове, в «софии», т.е. в специфическом языке, позволяющем расширить границы познания за счет осмысления структурного многообразия выявленных ранее качеств и обозначения его в слове.

К сожалению, за многовековую свою историю «софия» растеряла не только свой предмет, поделив его между конкретными науками, но и свой язык, делающий мудреца – мудрецом. Речь идет о *сравнительных* понятиях – специфически философском языке, благодаря которому только и возможно познание структурированности бытия, его процессуальности и самоорганизации.

Проводя сравнения, первые мудрецы отдавали себе отчет в том, что различие вещей, как и их сходство, не абсолютно. В рамках одного и того же качества /например, температуры/ можно было увидеть, например, большую или меньшую степень его интенсивности. Это давало возможность устанавливать исходные структурные отношения, выраженные в понятиях «больше», «меньше», «равно».

Кроме того, их язык был насыщен такими понятиями как «сгущение» и «разрежение», «избыток» и «недостаток», «сходящееся» и «расходящееся», «возникновение» и «уничтожение», «противоположное» и «противоречащее» и др.

Мышление двумя типами понятий: классификационными и сравнительными, которые не исчерпываются приведенными выше понятиями, характерная черта второго типа мышления. На смену любви к слову: эпосу, мифу, литературному творчеству, приходит любовь к мудрому слову – «софия», в понятийный аппарат которой вошел целый ряд сравнительных понятий. Недаром в древности говорили: *«все познается в сравнении»*.

Вместе с тем, в отличие от классификационных понятий, насчитывающих в том или ином языке сотни тысяч, сравнительных понятий совсем немного. А это накладывало свой отпечаток

на «софию», поскольку ее предмет принципиально невозможно освоить без широкого спектра сравнительных понятий. Все попытки решить философские проблемы при помощи слов обычного литературного языка, даже если это понятия предельной общности, не привели к удовлетворительному результату. Философия так и не стала наукой. В сущности, она и не могла стать наукой в полном объеме, поскольку научное мышление, помимо качественных и сравнительных понятий, включает в себя бесконечное множество *количественных* понятий, что определяет третий тип мышления.

Умение сравнивать величины, принимать меньшую из них в качестве единицы измерения, обусловило появление нового класса понятий. Так если в более ранний период счет был ограничен двумя членами, т.е. для сравнения вещей достаточно было только двух понятий: «один» — — — — — «много», то позднее между ними стали появляться и другие числа: «два», «три», «четыре» и т. д. Постепенно складывался числовой ряд, благодаря которому определилась возможность измерять отношение данной величины к однородной величине, взятой в качестве единицы измерения. Именно эти понятия формируют количественный язык науки, который совместно с классификационными (или качественными) и сравнительными понятиями образует язык полнокровной (филометрической) науки, способный охватить содержание ее предметного поля.

Итак, мы рассмотрели три ступени познания, обусловленные использованием трех типов понятий:

- литературное творчество – как любовь к слову (классификационные понятия);
- философское творчество – как любовь к мудрому слову (классификационные и сравнительные понятия);
- научное или можно сказать филометрическое творчество – как любовь к точному слову (классификационные, сравнительные и количественные понятия).

Первая ступень отражает качественное многообразие мира и характеризует недостаточно развитые, описательные науки. Вторая ступень позволяет осмысливать качественное и структурное многообразие вещей и процессов действительности и соответствует теоретическому уровню познания. Тогда как третья ступень дает возможность описывать качественные, структурные и количественные многообразия и характеризует современные точные науки.

Причем, в зависимости от поставленных целей можно использовать преимущественно тот или иной тип понятий. Писатель, например, пользуется в основном классификационными понятиями, тогда как, скажем, физик пытается не только осмыслить качество и структуру исследуемой вещи, но и найти ее точные количественные характеристики.

Что же касается обычного разговорного языка, то он включает в себя в той или иной мере весь понятийный аппарат науки. Вот почему язык – это первичная наука¹.

Каждое время по-своему расчленяет многообразие мира, отражая его в классификационных понятиях. Поэтому и существует различие между языками эпох и народов, что препятствует выражению и восприятию многих мыслей, делает невозможным точный перевод с одного языка на другой. Однако содержание сравнительных и количественных понятий является однозначным для всех, поскольку отражает структурные и количественные отношения такими, какими они являются на самом деле, сообщает истинное знание, предлагает действительный образ мира.

Эти понятия связывают людей, способствуют более глубокому взаимопониманию, так как исходят из одинаковых точек зрения на мир, одинаково делят его на части, правильно отражают соотношение последних. Не будь в языке этих понятий, невозможным было бы никакое серьезное знание. Стало быть, уже в античности человек выработал способность образовывать

¹ См.: Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Наука, 1991. С.346 – 347.

и такие понятия, которые однообразно расчленяют мир, поэтому между языками существует не только различие, но и много общего.

Причем, если бы люди опирались только на классификационные понятия, с которых собственно и начиналось познание, то они сумели бы выразить только простейшие эмпирические законы. Ибо эти понятия не в состоянии дать точного выражения мысли, а попытка ее уточнения, в свою очередь, привела бы к чрезвычайному усложнению словаря. И хотя эти понятия могут применяться во всех областях знания, ценность полученной с их помощью информации невелика². На основе классификационных понятий можно делать лишь весьма неопределенные предсказания и совершенно невозможен научный и технический прогресс. Кроме того, мир классификационных понятий – это дискретный мир.

Иное дело, когда возникают сравнительные понятия. В этом случае появляется возможность осмысливать и систематизировать не только качественное, но и структурное многообразие мира, т.е. более широкий спектр отношений и процессов действительности, учитывать психические свойства людей, весь спектр их ощущений и чувств. Благодаря этим понятиям можно, например, соотносить ум и глупость людей, их красоту и безобразие, щедрость и скупость и т. п. На основе этих понятий, а точнее, на основе отражаемых ими объективных отношений, можно упорядочить и сам язык, выделяя в лексике однообразные группы слов: синонимы, антонимы и др. В сравнительных понятиях можно отражать континуальность мира, его изменчивость и самоорганизацию.

Наконец, на самых высоких ступенях познания после того, как интенсивность свойств или величины могут быть измерены – возникают количественные или метрические понятия, которые более чем все другие языковые средства учат человека размышлять. Поэтому число и счет играют огромную роль не только в обыденной жизни. Они стали средством ориентации человека в окружающем мире.

² См.: Рузавин Г. И. Математизация научного знания. М., 1984.

3. Исходный «наблюдательный пункт»

Говорят «человек – мера всех вещей», подразумевая под этим, бог знает что. На мой взгляд, все очень просто: относительно температуры нашего тела, мы судим о холодном и горячем. Относительно нашего роста – о высоком и низком, о большом и малом. Другие органы чувств позволяют судить о мягком и твердом, сухом и влажном, гладком и шершавом и тому подобным свойствам в постижении которых естественной системой отсчета становится сам человек. Приблизительно так же оценивают мир и животные.

Но в отличие от последних, человек не останавливается на достигнутом, а стремится вынести систему отсчета за пределы человеческого организма, переходит, таким образом, от субъективной оценки бытия к объективной, делает саму природу – мерой всех вещей. Для этого пришлось ввести представление о некоем *промежуточном* состоянии, понимание которого в первое время не отличалось однозначностью ибо «промежуточное» предполагалось не только между разными степенями интенсивности одного и того же качества или свойства, но и между любыми, даже совершенно различными свойствами. Этому (мифологическому) периоду, видимо, соответствуют представления о кентаврах, грифонах, сиренах и других необычных существах, в образах которых сопрягаются воедино абсолютно не соединимые между собой стороны действительности.

Однако по мере того, как вопрос о промежуточных состояниях, проясняется, уже в мифологии появляются герои, которые уничтожают этих неестественных чудовищ. Персей убивает Медузу, Беллерофонт – Химеру, Тизей – Минотавра и т. п. Мифологическое мировоззрение вытесняется более развитым, признающим существование промежуточных состояний только между противоположными началами.

Все страшные и ранее непонятные силы сосредотачиваются теперь в руках самого Зевса как верховного божества или в руках его ближайшего окружения и осмысляются с промежуточной позиции как отношение противоположностей. Таким образом, уже в мифологии мы находим одну из важнейших точек зрения с позиции которой объясняется весь материальный и духовный мир.

Если раньше Фемида была ужасным законом стихийных и беспорядочных действий, то теперь она богиня права и справедливости, богиня прекрасного человеческого правопорядка. Изображенная с повязкой на глазах и с весами в руках, она символизирует абсолютное беспристрастие, когда дело касается нахождения равных прав, промежуточных положений, свойств, состояний, вещей и т. п.

Детьми Зевса и Фемиды являются Оры – богини времен года и государственного порядка, гармонирующие своей деятельностью всю природу и человеческую жизнь.

В поэме Гесиода «Теогония» одна из Ор изображается как богиня Правда (Дике), персонифицирующая правосудие, в основе которого лежит поиск равенства, т.е. поиск промежуточного состояния между избытком того или иного свойства и недостатком. Так, благодаря образу весов, стало возможным судить о противоположностях как об «избытке» и «недостатке» относительно строго заданной системы отсчета – промежуточного.

Если раньше мерой всех вещей был сам человек, то теперь стало возможным определять любые противоположности относительно ориентиров, лежащих вне человеческого организма. И хотя за всем этим продолжала наблюдать мифическая богиня с весами в руках, тем не менее, исследование противоположных начал вступило в новую фазу.

Первобытное мышление, находясь в неразрывной связи с языком, было уже невозможно без обобщений, без стремления во всем найти такие объективные закономерности, которым подчиняются как те или иные частные явления, так и более широкие и более удаленные

от человека области действительности. А это возможно только с определенных позиций, например, с точки зрения промежуточного.

Появление весов и других средств и единиц измерения показало, что противоположности могут быть только однокачественными объектами как избыток и недостаток относительно промежуточной степени этого же качества, того общего положения, которое связывает противоположные стороны воедино и отождествляет их. Поистине это была та наблюдательная позиция, которая на сотни лет определила содержание античного мировоззрения. Это был тот образец, с которым сверяли все: будь то устройство космоса или проявление некоторых частных закономерностей природы, вопросы этики или правосудия. Величественнейшая из богинь – богиня справедливости и ничтожнейший из людей – разбойник Прокруст в своих действиях в одинаковой мере руководствовались этой точкой зрения, ибо каждый вершил свой суд относительно того или иного строго заданного *промежуточного* состояния.

Что касается богини справедливости, то ее точка зрения, видимо, известна всем. Богиня становится на середину как бы не равно поделенного отрезка и выделяет с одной стороны «избыток» относительно занятой позиции, с другой – «недостаток», которые определяют положение весов в ее руках. Следующий шаг заключается в изъятии избытка и в компенсации им недостатка – весы приходят в равновесие, а справедливость – торжествует.

Однако не все помнят миф о разбойнике Прокрусте, подстерегавшем путников на дороге. Желая надругаться над людьми, он изготовил ложе, на которое укладывал свою очередную жертву. Если к нему в руки попадался невысокий ростом человек, то Прокруст бил его молотом, чтобы растянуть его тело под размер ложа. Если попадался высокий ростом – отпиливал те части тела, которые в него не помещались. Отсюда возникло выражение: «прокрустово ложе» – искусственная мерка, не соответствующая действительному положению вещей, их сущности.

Следует отметить, что промежуточное не являлось в античности единственной гносеологической позицией, – были найдены и другие точки зрения на мир. А это свидетельствует о том, что, научившись вырабатывать соответствующий действительности взгляд на природу и человека, греческая мифология подходила к своему самоотрицанию.

4. У истоков мировоззрения

В данном разделе, речь пойдет о древнегреческой философии, различные направления которой, оставили нам образцы построения теоретической картины мира. Причем, не только предшествующее мифологическое, но и последующее за ним философское осмысление реальности было попыткой выявить исходные принципы мирового устройства, первые причины, определяющие его развитие. Но в отличие от мифологической картины, строящейся в основном по законам воображения, новое воззрение на природу опиралось на разум. И это не случайно, поскольку философия зарождается не только из мифологии. На ее появление наложила свой отпечаток античная наука, возникновение которой на Ближнем Востоке, в Вавилонии и Египте отмечается уже в IV тысячелетии до н. э. К тому же времени относится изобретение письменности, которая по сравнению с устной речью принесла не только новые возможности передачи знания, но и способствовала бурному развитию самого мышления.

Философия как специфический способ осмысления реальности возникает лишь в VII – VI вв. до н. э. А это свидетельствует, что процесс отделения философии от мифологии, литературы и от практических знаний растягивается на многие столетия. Чтобы стать философским, мышление должно было переориентироваться с мифотворчества и освоения той или иной сравнительно узкой сферы действительности к осмыслению структурированности всего мироздания. Только на этой основе становится возможным возникновение философии как системно-рационализованного, плюралистического мировоззрения, включающего в себя огромное множество самых разных подходов.

Поэтому одной из главнейших проблем, проходящих через всю историю философии и включающей в себя все другие проблемы познания, является осмысление перемен, происходящих в самом способе философствования, обусловленном выбором исходных гносеологических ориентиров, исходных точек зрения.

При этом изучающим философию надо иметь в виду, что речь идет о первых философских работах, которые, как известно почти не сохранились. Все труды первого, досократовского, периода погибли. От них остались лишь небольшие фрагменты, которые приводятся в сочинениях более поздних авторов, «доксографов», т.е. «описывателей мнений» философов. Не сохранилось также большинство источников второго, классического периода античной философии. Исключение составляют труды Платона и Аристотеля. Почти та же картина имеет место и в третьем, эллинистическом, и четвертом, римском периодах. Таким образом, большая часть информации получена нами не из первых рук. В ней много модернизаций, противоречий, явных ошибок. Не исключают ошибок и искажений труды Платона и Аристотеля, которые не всегда правильно понимали своих предшественников, и как следствие, часто подгоняли историко-философский материал к своим концепциям. Кроме того, надо учитывать, что со временем меняется смысл самих терминов.

В этих условиях становится понятным, что на нашем сегодняшнем языке *невозможно* выразить прошлое знание. В связи с чем, возникает сомнение, насколько действительное содержание античной философии соответствует ее общепринятому, современному пониманию и изложению. А это накладывает на исследователя одно очень важное требование, а именно: обязанность *воссоздать* старый язык, старое мышление. К сожалению, в своих работах философы не говорят о том, как они мыслят. Кроме того, в их текстах всегда имеются и не высказанные мысли, подобно тому, как в современном знании неявно присутствует знание прошлых эпох. Это значит, что, рассматривая историю философских учений, мы постоянно должны иметь дело и с мыслями, присутствующими в тексте, но по тем или иным причинам не зафиксированными в нем. Мы постоянно должны иметь их в виду, т.е. следовать скорее

не текстуальному содержанию источника, а выражаемой в нем идее, а для этого необходимо прочувствовать античное мышление.

Причем, *последовательность философских учений должна раскрывать перед нами последовательность возникновения языковых средств, которые и отражают закон развития мышления*. Я имею в виду тот интегральный закон, который позволит оценить и сравнить между собой мышление отдельных людей, философских школ, научных направлений, эпох. Закон, который превращает философию в науку, в целостный исторический процесс.

Сейчас я не буду перечислять все сравнительные понятия, имевшие хождение в древнегреческой философии. Остановлюсь лишь на отношении «больше» и «меньше», которые в учении Аристотеля называются *соотнесенными* понятиями, поскольку под большим, например, понимается «большее по отношению к меньшему, а под меньшим – меньшее по отношению к большему». Поэтому соотнесенные стороны всегда находятся вместе, так как вне отношения друг к другу они не имеют смысла.

Но эту же самую реальность можно рассматривать не только с позиции ее начала или конца, но и с промежуточной точки зрения, как отношение противоположностей. Выходит, что рассматривая реальность с одной точки зрения мы говорим о соотнесенном, тогда как с другой – о противоположном. Например, если рассматривать друг относительно друга разницу температур на концах металлического стержня – можно говорить о горячем и холодном как о соотнесенных понятиях. Но если рассматривать это же отношение с точки зрения промежуточного – то речь пойдет не о соотнесенном, а о противоположностях. Выходит, что в одном случае горячее и холодное это соотнесенные понятия, тогда как в другом – противоположные. Причем, в античное время не все сравнительные понятия имели одинаковый статус. Приоритет получило осмысление реальности с промежуточных позиций как отношение противоположностей и нашедшее свое воплощение в образе Дике, персонифицирующей образ весов.

Создание первых не мифологических, физических картин мира еще больше укрепило и расширило статус противоположностей. Природа, состоящая теперь из обыкновенных материальных стихий (земля, вода, воздух, огонь), подчиняется не демоническим силам, а некоторым научным законам. Это позволяло четко отразить существование мира как единого целого, упорядоченного, гармоничного и доступного пониманию человеческим разумом. При этом для объяснения и передачи своих наблюдений и знаний о мире античная наука активно пользовалась огромным множеством классификационных и количественных понятий. Пользовалась она и сравнительными понятиями. Их, правда, было совсем немного, но именно они становятся основой античного мировоззрения, поскольку определяются выбором точки зрения.

Стремление понять сущность природы, космоса, всего мироздания с каких-то общих позиций было одной из важнейших особенностей античного мировоззрения. В этом смысле между философией и мифологией было много общего. Как и мифология, философия представляет собой способ понимания мира. Но если в мифологии мысль выражалась в конкретно эмоциональных, поэтических образах, то философия принимала на себя функцию рационально-понятийного выражения и теоретического обоснования мира. Если мифология повествовала о том, *кто* этот мир породил, то философия задавалась вопросом, *каким образом* и из чего все возникло.

Поэтому, при изучении античности следует иметь в виду, что в мифологии и философии отношение противоположностей понимается одинаково, а именно, как отношение между «избытком» и «недостатком» того или иного свойства или субстрата относительно строго заданного промежуточного состояния – той точки отсчета, с позиции которой членится и упорядочивается мир. Ибо *выбор ракурса или точки зрения, с которой человек осмысливает*

*реальность, является самым важным элементом философской системы, как и вообще любого знания, ибо именно в нем сосредоточен первоначальный акт мышления*³

Читатель, не сумевший понять исходных сравнительных понятий, не сумеет прочувствовать развитие античной мысли, не сумеет понять и замысел автора этих строк. Поэтому ему рекомендуется еще раз осмыслить отношение двух сравнительных понятий: «соотнесенного» и «противоположного».

³ См.: Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Наука, 1991. С. 44 – 50.

II. Первые греческие философы

1. Милетская школа

Известно, что древнегреческая философия формируется на рубеже VII – VI вв. до н.э. в греческих городах-государствах (полисах), сначала на западном побережье Малой Азии (в Ионии) затем в греческих городах Южной Италии и Сицилии. Она была первой в истории попыткой упорядочить мир с точки зрения разума.

Будучи центром ремесла и торговли, греческие поселения постепенно выдвигаются как большие культурные центры, одним из которых был город Милет, где возникает первая философская школа. С конца VII до конца VI в. здесь жили три первых философа: Фалес, Анаксимандр, Анаксимен.

Выгодное географическое положение и территориальная близость к культурным центрам Ближнего Востока позволила милетским мыслителям раньше, чем это удалось другим философам Греции, встретиться с естественнонаучными ценностями Египта и других культурных стран Азии. Дополняя их сведениями, полученными из мифологии, науки и собственного опыта, они достаточно четко осознали существование мира как единого целого, упорядоченного, гармоничного и доступного пониманию человеческим разумом. Глубина и последовательность мышления, отличавшая первых натурфилософов от мыслителей древнего Востока, означали значительный шаг в формировании целостного представления о мире. Впервые сознательно был поставлен вопрос об основных принципах мирового устройства, о первых причинах, определяющих изменение действительности.

Этот вопрос поставил **Фалес** (около 624 – 547 гг. до н.э.) – первый математик и физик Ионии, основатель милетской школы. И не только поставил, но и с определенной точки зрения его решил, поскольку рассматривал реальность с промежуточной позиции, как совокупность противоположных начал, как «сгущение» и «разрежение».

Будучи купцом, он много путешествовал, расширяя свои научные знания в самых различных областях человеческой деятельности. Интересовался, в частности, арифметикой, геометрией, астрономией. Знал ряд геометрических решений, касающихся доказательства равенства вертикальных углов, углов при основании равнобедренного треугольника, умел вписать прямоугольный треугольник в круг и др.

Все эти знания Фалес почерпнул в Вавилонии, Финикии, Египте и стремился упорядочить их в систему. Кроме того, он обучал математике, пытаясь излагать ее в отвлеченной, теоретической форме. В Элладе Фалес ввел календарь, определив продолжительность года в 365 дней, предсказал солнечное затмение, которое по данным современных астрономов произошло 28 мая 585 года до н. э. Однако, как и вавилоняне и египтяне Фалес не понимал небесных явлений. Он просто опирался на известную ему периодичность.

Еще в античности ему были приписаны следующие сочинения: «О началах», «О солнцестоянии», «О равноденствии», «Морская астрология». Не случайно Фалеса и его последователей, которые с позиции разума первыми занялись изучением единства природы, античные авторы называли физиками или физиологами.

Рассматривая мир как непрерывно изменяющееся целое, Фалес полагает, что он обусловлен различными состояниями одного и того же материального начала, некой субстанции, ее «сгущением» и «разрежением». Это свидетельствует о том, что на вопрос о первой причине, начале мира, он дает вполне однозначный и разумный ответ – это отношение противоположностей. Так, зародившись в мифологии, эта идея находит свое воплощение и развитие в науке, становится ядром древнегреческой философии.

Фактически, для Фалеса главной точкой зрения – была античная идея справедливости – Дике, благодаря которой весь непрерывный мир осмысливался им с позиции промежуточного. И если, например, в едином процессе рассматривалось отношение между горячей и холодной сторонами, то было отчетливо видно, как эти противоположности постепенно переходят в промежуточное состояние. И так было во всем, с любыми противоположными свойствами или сторонами: белым и черным, женским и мужским, сгущенным и разреженным и т. п.

Видимо, подобные факты убеждали античных философов в том, что все противоположности вне зависимости от их качественного содержания самопроизвольно могут уничтожаться в промежуточное, которое противоречиво постольку, поскольку содержит в себе противоположные начала. И напротив, из промежуточного могут возникать не любые, а только противоположные вещи.

В античности этот вывод был распространен повсеместно и признавался большинством мыслителей. Поэтому в рукописных источниках на нем, видимо, не акцентировалось внимание. Зато активно осмыслялось другое. И здесь не было единства между философами, а именно: что принимать за первовещество, за субстанцию? Фалес находит, что это вода: все появляется из воды – говорит философ – и в воду все разлагается. При выборе воды решающее значение имело для него ее жидкое состояние (слово «вода» в древних текстах часто заменялось словом «жидкое»). По мнению В. Виндельбанда – известного немецкого историка философии – мысль Фалеса состояла, главным образом, в том, чтобы объявить мировым веществом такое состояние материи, которое делало бы возможным переход в обе стороны – как в твердое, так и в летучее, в виде процесса уплотнения и разрежения⁴.

Что же касается другого взгляда на реальность, т.е. с позиции соотнесенного, то этот подход, видимо, не привлекал внимания Фалеса, поскольку не давал возможности увидеть причину происходящих в мире изменений.

Анаксимандр (610—546 гг. до н.э.) – ученик и последователь Фалеса, также был разносторонне образованным человеком. Интересовался математикой, физикой, астрономией, географией, изучал происхождение жизни и др.

Не отрицая по существу учения Фалеса, его основного взгляда на мир, Анаксимандр в то же время считал, что вода, будучи промежуточным только между твердым и парообразным состояниями, не могла служить основой всего сущего, поскольку каждая вещь происходит «из своих собственных начал». Например, горячее и холодное – из теплого, белое и черное – из серого и т. п. Так что у каждого состояния, у каждой пары противоположностей должно быть свое, особое начало, особое промежуточное. Но в таком случае должно было быть и начало всех начал – первоначало, которое порождает мир в целом. И оно не может быть ни водой, ни какой-либо другой стихией (землей, воздухом, огнем), но это должна быть какая-то другая беспредельная природа, которая в одинаковой степени присуща всем стихиям. Эту бесконечную, активную, содержащую в себе противоположности среду Анаксимандр называет *апейрон*. Именно в ней, по мысли философа, заключается причина всеобщего возникновения и уничтожения.

Можно предположить, что Анаксимандр представлял себе некую от точки к точке изменяющуюся материальную среду, наподобие перехода от белого цвета к черному. Это позволяло философу взглянуть на нее с промежуточной позиции и увидеть противоположности как избыток и недостаток. Причем, посмотрев на каждую из противоположных сторон в отдельности с позиций их промежуточного, Анаксимандр мог увидеть новые противоположности и так без конца. Видимо такой взгляд и позволил Анаксимандру предположить, что апейрон включает в себя все виды противоположностей, которые порождают все тела «посредством разли-

⁴ Виндельбанд В. История древней философии. Киев: «Тандем», 1995. С. 45.

чий в плотности и разреженности первоэлемента», что в свою очередь является основанием для рождения и гибели миров-небосводов, которое испокон веку повторяется по кругу.

Анаксимандр написал несколько сочинений: «Карта земли», «Глобус», «О природе». По их названиям можно судить о том, что философ в основном изучал природу. От последнего труда в свидетельствах Симпликия, одного из доксографов, жившего на тысячу лет позже Анаксимандра, сохранился один небольшой фрагмент:

«А из каких (начал) вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды (=ущерба) в назначенный срок времени»⁵.

Этот отрывок свидетельствует о том, что отношения между вещами, возникающими из бесконечной материальной среды, которую Анаксимандр называет апейрон таково, как отношение между «должником» и «кредитором», что свидетельствует о взаимосвязи мировоззрения Анаксимандра с мифологическим мировоззрением и, прежде всего, с идеей компенсации – Дике, как идеей космической справедливости (Правды). Причем, у Анаксимандра несмотря на мифологическую терминологию уже нет этих сверхестественных стражей меры, поскольку все космические процессы совершаются у него по своим имманентным законам, обусловленным активностью самой материальной среды – апейрона.

Поэтому смысл, вложенный в понятие «возмещение неправды» следует искать в мифологии и, прежде всего, в греческой идее компенсации – Дике, как идее космической справедливости (Правды), в то время как понятие «задолженность» ассоциируется с идеей декомпенсации (Раздора).

Здесь наиболее отчетливо проявляется связь между мифологическим и философским мышлением, которые на первых порах идут рядом, имея своими источниками элементы первоначального эмпирического знания. Опираясь на объективные законы бытия, мифологическое мировоззрение оказалось уже способным представить идеи несправедливости и возмездия, Раздора и Правды, декомпенсации и компенсации в образе физического явления, т.е. в образе весов в руках богини правосудия, чаши которых в одном случае выходят из положения равновесия, в другом – стремятся к нему. В этом образе нашла свое конкретное отражение характерная черта античности – *мышление противоположностями*. Последние понимаются здесь исключительно как «избыток» и «недостаток» того или иного субстрата относительно положения равновесия – того промежуточного состояния, из которого возникают и к которому, уничтожаясь, стремятся противоположности.

Поэтому, основным вопросом милетской натурфилософии было выявление сущности «промежуточного», сгущение и разрежение которого определяло бы все многообразие чувственно воспринимаемого мира. Это свидетельствует о том, что мифологическое мышление, оперирующее не только представлениями, но и сравнительными понятиями, не только не произвольно, но напротив, обладает весьма строгой логикой. Только эта логика отличается от логики нашей сегодняшней науки. Поэтому мифология является не только продуктом воображения, но и результатом строгого логико-теоретического мышления. Однако увидеть это можно только в итоге тщательного исследования тех мифологических представлений, которые отражают отношение противоположностей в процессе их компенсации и декомпенсации. Не случайно в первой части фрагмента Анаксимандр обращает наше внимание на то, *из чего* все сущее возникает и *во что* по необходимости оно уничтожается. И если слова «возмещение неправды» понимать как компенсацию, а слово «задолженность» понимать как декомпенсацию, то все становится предельно ясным. Появляется возможность определить «источник всеобщего возникновения и уничтожения». Все это позволяет предположить, что процессы

⁵ Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 127.

«компенсации» и «декомпенсации» связаны у Анаксимандра временными рамками и в целом представляют собой своего рода циклический процесс.

Очевидно, что такой взгляд на природу предполагает осмысление ее не с позиций соотношенного, т.е. не с точки зрения одного из полюсов градации. Здесь, как и у Фалеса, точкой отсчета, с которой осмысливается мир, является середина, промежуточное, которое делит непрерывную среду на активные, противоположные части.

Анаксимен (585 – 525 гг. до н.э.) – третий представитель милетской натурфилософии, ученик и последователь Анаксимандра, автор сочинения «О природе».

Как и его предшественники, другие милетские философы, Анаксимен осмысливает реальность с позиции противоположностей. Однако в качестве бесконечной, непрерывной среды – «апейроса», в отличие от Анаксимандра, он принимает одну из стихий – воздух. Последний, сгущаясь и разрежаясь порождает все видимое многообразие мира. По свидетельству того же Симпликия

«разрежаясь, (воздух) становится огнем, сгущаясь – ветром, потом облаком, (сгустившись) еще больше – водой, потом землей, потом камнями, а из них – все остальное»⁶.

Отсюда следует, что непрерывная среда, «апейрос», вне зависимости от того, что принимается за ее основу – одна из стихий или некая иная природа, представляет собой *и материал для построения мира и порождающую его силу*.

Сказанное об учениях милетских философов согласуется со свидетельством Аристотеля о том, что

«все принимающие такое единое (начало) оформляют его противоположностями, например плотностью и разреженностью или большим и меньшим, а эти (противоположности), вообще говоря, сводятся, очевидно, к избытку и недостатку... По-видимому, – продолжает Аристотель, – и само мнение, что единое, как избыток и недостаток суть начала всех вещей, очень древнего происхождения, только высказывалось оно по-разному: так, старые (философы) считают двойное (начало) действующим, единое – страдательным; наоборот, некоторые из позднейших полагали скорее единое действующим, а двойное страдательным»⁷.

Осознание природы как непрерывно меняющегося целого, как некой динамической среды, представляющей собой и субстанциальное и генетическое начало имело большое значение для формирования мышления первых натурфилософов, у которых все сущее мыслится как подвижное отношение противоположностей. Таким образом, первые греческие философы нашли тот единственный инструмент, ту единственную абстракцию, которая помогла внести упорядоченность в текущую неопределенность вещей и событий и, тем самым, обеспечили переход к мышлению не только классификационными, но и сравнительными понятиями-противоположностями, – одной из первых тотальных формализаций, прошедшей затем через всю историю философии⁸.

⁶ Там же. С. 129.

⁷ Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 3. М.: «Мысль», 1981. С.74.

⁸ Соколов В. В. История философии и формализация//Филос. науки. 1988. N10. С.34.

2. Пифагор и пифагорейцы

В то время, как на востоке Греции, в Ионии, последователи Фалеса объясняли единство и многообразие чувственного мира посредством противоположностей, на западе, в Сицилии и Южной Италии заговорили о новом единстве мира, выражаемом через количественные понятия. Это были пифагорейцы. Реконструкция их философского учения дело весьма неблагодарное, поскольку материалов о самой школе, а также о ее основателе – Пифагоре сохранилось немного. В основном, это сведения, полученные от других авторов.

Пифагор (571 – 497 гг. до н.э.) – выходец с острова Самос. Он был первым, кто называл исследователей природы и рассуждающих о смысле жизни любителями мудрости или *философами*. По совету Фалеса в поисках знаний Пифагор отправился в Египет, где пробыл 22 года. Помимо своей воли оказался в Вавилонии, где пробыл еще 12 лет. Говорят, что Пифагор побывал даже в Индии, где освоил учение о переселении душ. Таким образом, после 34 летнего обучения и странствий, он возвращается в «Великую Грецию», где на юге Апеннинского (итальянского) полуострова в Кротоне основывает свою религиозно-философскую школу – Пифагорейский союз. Это была закрытая организация, в которую принимались свободные люди обо-его пола; в союзе было 2 ступени: акусматика (послушники) и математики (ученые). Учение пифагорейцев было тайным.

Рассказывают историю о том, как однажды, проходя мимо кузницы, Пифагор обратил внимание на то, что удары неодинаковых по весу молотов вызывают разные звуки. Зная вес молотов, можно было легко соотнести интенсивность звука с числом. Отсюда развивалось учение, согласно которому основой всего сущего признавалось число, поскольку числовые отношения отражают мировую гармонию. Кроме того, исследуют пифагорейцы и отношения между самими числами, закладывая тем самым основы теории чисел и принципы арифметики, посредством которых решают многие геометрические задачи.

В отличие от философов милетской школы, которые между реально существующими вещами находят динамические отношения, пифагорейцы ищут количественные зависимости, пропорции. Поэтому вместо традиционного осмысления бытия как отношения противоположностей, пифагорейцы осмысливают его с позиции соотнесенного. Для греческой философии это был совершенно новый взгляд на реальность.

Выбрав другую позицию для осмысления мира, пифагорейцы пересмотрели и понятие «противоположности», совокупность которых приводит Аристотель в виде таблицы. Она состоит из десяти пар. Это предел и беспредельное, нечет и чет, единое и многое, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, добро и зло, квадратное и прямоугольное. Аристотель никак не комментирует эту таблицу. Но нам видно, что не все из этих парных понятий являются противоположностями, как их понимали древние физики – ионийцы, а именно: как сгущение и разрежение относительно промежуточного состояния. Поэтому такие пары как предел и беспредельное, нечет и чет, единое и многое, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, квадратное и прямоугольное нельзя называть противоположностями. Это действительно различия, но к противоположному они не имеют никакого отношения. Причем, эти десять парных понятий, декада рассматривалась пифагорейцами как символ гармонии и полноты. И вообще, они считали, что в природе решительно все обязательно должно быть упорядочено, гармонично.

В произведении «О небе» Аристотель рассказывает о пифагорейской «гармонии сфер», обусловленной движением планет сквозь пневму (эфир). В зависимости от своего размера, скорости движения и удаленности от Земли, занимающей центральное положение, они находятся между собой в определенных отношениях, а следовательно, издают монотонные звуки разных тонов. Поэтому, движение небесных тел, понимаемое как «гармония сфер», произво-

дит музыку Вселенной, которую мог слышать только Пифагор. В своей совокупности эти тона образуют гармоничное созвучие.

Одно из наиболее полных изложений взглядов пифагорейцев мы находим у Аристотеля, который писал:

«Они видели, что свойства и соотношения, присущие гармонии, выразимы в числах; так как, следовательно, им казалось, что все остальное по своей природе явно уподобляемо числам и что числа – первое во всей природе, то они предположили, что элементы чисел суть элементы всего существующего и что все небо есть гармония и число. И все, что они могли в числах и гармониях показать согласующимися с состояниями и частями неба и со всем мироустроением, они сводили вместе и приводили в согласие друг с другом; и если у них где-то получался тот или иной пробел, то они стремились восполнить его, чтобы все учение было связным... Во всяком случае, очевидно, что они число принимают за начало и как материю для существующего, и как (выражение) его состояний и свойств, а элементами числа они считают четное и нечетное... По-видимому, – предполагает Аристотель, – они определяют элементы как материальные, ибо, говорят они, из этих элементов как из составных частей и образована сущность»⁹.

Таким образом, мир согласно учению пифагорейцев, прерывен, а начала его – числа и пустота.

Увлекаясь математикой, где решающую роль играет число, пифагорейцы поднимались с философского уровня мышления на научный, поскольку в числах и количественных отношениях они находили гармоничные соотношения, обуславливающие начало самого мироздания. Им даже казалось, что знание гармонических отношений, выраженных в арифметической и геометрической пропорциях, т.е. в числах, позволяет фиксировать сущность даже этических явлений. При этом пифагорейцы не отделяли числа от вещей. Аристотель указывает, что это сделал Платон, а «если взять пифагорейцев, то в этом вопросе на них никакой вины нет», поскольку числа пифагорейцев «не были числами, наделенными самостоятельным существованием».

У пифагорейцев еще нет полного размежевания физического и математического, хотя исходной парадигмой познания у них выступает «соотнесенное». Тогда как физика древних опиралась на другое сравнительное понятие – «противоположное».

И хотя Аристотель в целом относился к пифагорейцам критически, его информация о них дает нам богатый материал, на котором хорошо просматривается формирование философии из мифологии, а научного мышления из философского. Пифагорейцы превратили орфическое ритуальное очищение в научное занятие, в культ разума. И по мере того как пифагорейцы глубже представляли реальный мир, они понимали его как всеобщую гармонию. Поэтому древний пифагореизм нужно рассматривать как важнейшую страницу античной философии, особенно в той мере, в какой ему были свойственны зачатки научного мышления.

Вместе с тем, пифагорейское понимание гармонии как системы числовых отношений неполно, поскольку в нем не учитывается другой взгляд на реальность, т.е. позиция с которой осмысливали мир философы из Милета. Поэтому противоположности у пифагорейцев оказываются статичными, ибо заимствуются не из чувственно воспринимаемого мира, а из математических наук, но, как известно, замечает Аристотель, «математические предметы лишены движения».

⁹ Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 1. М.: «Мысль», 1975. С. 75 – 77.

Но даже в тех случаях, когда отношение противоположностей рассматривалось пифагорейцами правильно, т.е. с точки зрения идеи компенсации, все равно они видели в этом только уничтожение противоположностей в чем-то среднем, их равновесие. Выходит, что последователи Пифагора, так же как и последователи Фалеса не сумели нащупать причинно обусловленный переход от идеи компенсации, как наиболее элементарной формы самодвижения, к циклическому самодвижению, которое характеризуется соотношением в едином двух процессов: компенсации и декомпенсации. Таким образом, античные философы видели только часть процесса, а именно: переход противоположностей в состояние равновесия, что по времени занимает четвертую часть периода. Связать же ее с декомпенсацией, а тем более с целым периодом, т.е. с вращением тела по окружности или с колебанием его (положим струны) около положения равновесия – они не могли, несмотря на то, что периоды и отношения периодов, также как и отношения чисел, играли в учении пифагорейцев решающую роль.

И все же, несмотря на мистический характер и односторонность взглядов пифагорейская философия содействовала дальнейшему развитию обобщающей способности мышления. Если у Фалеса, который по существу был физиком, математика только еще выходила из практической науки, то Пифагор, первый превратил ее в умозрительную теоретическую дисциплину. Поэтому Пифагор является первым математиком в истинном смысле слова.

Проводя сравнение между двумя первыми философскими течениями можно увидеть между ними существенное различие: милетская школа изучала природу с физической точки зрения, тогда как пифагорейцы – с математических позиций. При этом физика имела дело с качественным и структурным многообразием мира, рассматривала его с позиции индуктивного метода. Она искала и находила в нем множество самых разнообразных свойств, доступных чувственному восприятию, которые осмысливались затем через понятие «противоположности». Тем самым признавалась не только изменчивость, процессуальность, непрерывность и релятивность действительности, но подразумевалось ее объективное существование. Все это характеризовало представителей милетской школы не только как диалектиков, но и как материалистов.

Иное дело позиция математиков. Имея дело с той же самой реальностью, они осмысливали ее с позиции соотнесенного посредством дискретных количественных понятий – чисел. Со временем, переработав вычислительную математику, они все качественное многообразие мира с его чувственным восприятием оттеснили на второй план. Приоритет отдавался структурным и количественным многообразиям. Знание стало до такой степени абстрактным, «чистым», что дошло до почти полного разрыва с реальностью. Тем самым был подготовлен переход к метафизическому и идеалистическому осмыслению реальности.

Плохо это или хорошо? Трудно сказать, поскольку с одной стороны был найден новый путь к осмыслению мира. С другой – отвергался уже известный. Тогда как полнота знания обусловлена не враждой, а единством методов, множественностью и полнотой точек зрения. В противном случае знание ограничено, неполно.

Так, на рубеже VII – VI вв. до н.э. с разрывом где-то в пятьдесят лет, возникли и на протяжении многих лет сосуществовали две противостоящие друг другу философские традиции: ионийская и италийская, в основаниях которых объективно лежали два взгляда на мир: с позиции промежуточного и с позиции полюсов, т.е. два метода познания: диалектика и метафизика (физика и математика).

И здесь же закладываются основы для двух главных философских направлений: материализма и идеализма. При этом еще раз заметим, что как одна, так и другая традиция, хотя и с разных позиций, рассматривала одну и ту же реальность. Так с разных сторон на один и тот же предмет смотрят два человека. Первый видит одно, второй – другое. Но это расхождение во взглядах нисколько не предполагает ни ложности одного из них, ни самодостаточности. Напротив, очевидно, что эти взгляды равно достоверны и равно дополняют друг друга.

Короче говоря, милетская физика и пифагорейская математика есть признание одного и того же объекта – реальности с определенной точки зрения. И хотя одно восприятие отличается от другого, это не означает ложности ни одного из них. Предположение, будто только одна из представленных точек зрения может быть истинной – это укоренившееся в истории философии заблуждение. Целостная истина может быть получена только путем соединения альтернативных точек зрения. Долгое время философы довольствовались частными истинами, однако вся ее полнота заключается в единстве, дополнительности, прочном синтезе различных подходов.

Все это говорится к тому, чтобы четко отметить, что зарождение философии происходило в условиях разделения или раздвоения познания на два конкурирующих направления. Именно физики и математики, первыми разделили и «удвоили» мир. Более поздняя философия получила это раздвоение в наследство.

Не секрет, что всякое мышление формируется в противовес известной мысли, которую наш разум стремится превзойти. Не было исключением и намерение Пифагора превзойти физиков. Причем, если последователи Фалеса в своем стремлении превзойти последнего, имели с ним много общего, то мышление Пифагора и его последователей в корне отличалось от мышления философов милетской школы. У пифагорейцев было ясное понимание того факта, что ими обнаружена новая, подлинная реальность, которая может быть осмыслена посредством дискретных количественных понятий. Перед ними, таким образом, разворачивается новый тип мышления, обусловленный не только открытием нового взгляда на мир, но, видимо, и природными способностями человека воспринимать более обостренно именно дискретный мир, при относительной слепоте к непрерывному миру. Тогда как представителям милетской школы, напротив, давалось понимание того, что было не под силу первым.

Сравнивая типологические особенности мышления главы милетской школы Фалеса с мышлением Пифагора можно отметить, что первого характеризует геометрический тип мышления, тогда как в Пифагоре можно обнаружить арифметически мыслящего человека, т.е. тип мышления, противоположный мышлению Фалеса. Это объясняется равной необходимостью для познания именно двух разных типов мышления: геометрического и арифметического, правомозгового и левомозгового¹⁰.

Причем, этот вывод наводит на мысль о том, что метафизическое и диалектическое мышление аналогичным образом может быть обусловлено преобладающей деятельностью левого или правого полушарий головного мозга, поэтому у разных людей может преобладать тот или иной тип мышления. В одном случае предметы и явления объективного мира рассматриваются как неизменные и дискретные, в другом – как подвижные и непрерывные.

Метафизически мыслящий человек выделяет относительную устойчивость, определенность предмета во всеобщем их изменении, развитии. Благодаря своим способностям, он замечает и фиксирует такие объективные отношения, которые труднее воспринимаются его диалектически мыслящим коллегой. И наоборот, последний обостренно воспринимает вещи, их свойства и отношения во взаимной связи, в движении – в противоречивом возникновении и исчезновении. Как раз там, где метафизик испытывает наибольшие трудности. Вся история науки служит наглядным подтверждением таких повторяющихся взлетов, отрицаний и обобщений. Наиболее типичным в этом отношении является «дуэт» Гераклита и Парменида, полная противоположность интеллектуального склада которых становится очевидной при некотором знакомстве с их учениями.

¹⁰ См.: Яглом И. М. Почему высшую математику открыли одновременно Ньютон и Лейбниц? // Число и мысль. Сб. Вып. 6. - М., 1983. С. 105.

III. Начало конфликта

1. Гераклит: «гармония лука и лиры»

Одним из принципиальных противников пифагорейского взгляда на мир и наиболее последовательным продолжателем милетской физики был **Гераклит** (около 530—470 гг. до н.э.). Он уроженец города Эфеса, который также как и Милет, расположен в Ионии, что в Малой Азии. Отсюда и название – *ионийская философия*, которая была представлена милетской школой и Гераклитом. В 496 году до н.э. персы, разрушив Милет, положили конец и всей ионийской культуре, переживавшей расцвет на протяжении предшествующих двухсот лет. Но и после падения Иония продолжала поставлять Греции выдающиеся умы. Из этих мест вышли Геродот, Анаксагор, Левкипп, Пифагор, Эпикур и др.

От сочинения Гераклита «Музы» или «О природе» (точного названия не известно), сохранилось около 150 фрагментов, а так же несколько сот свидетельств об учении. Но понять это произведение нелегко, поскольку речь Гераклита наполнена метафорами и сравнениями, в ней много мифологических образов. Их неадекватное восприятие затрудняет понимание. Ввиду огромных трудностей, связанных с восстановлением смысла дошедших до наших дней текстов *до сих пор нет общепринятого понимания его труда*. Исследователи оказываются в ситуации «герменевтического круга»: понимание текста зависит от его перевода, тогда как перевод может быть осуществлен на основе его предварительного понимания.

На мой взгляд, ситуация такова, что ни одно из существующих толкований основного содержания его учения *абсолютно* не соответствует тому, что он в действительности имел в виду. Поэтому, выход из создавшегося положения может быть найден на пути вживания исследователя в мировоззрение изучаемой эпохи, а именно, на пути освоения диадного и триадного мышления, т.е. мышления на основе категорий «соотнесенное» и «противоположное». Что же касается эпитета «темный», данного Гераклиту в древности, то он сохранял и сохраняет свое значение и в наше время, поскольку умение мыслить сравнительными понятиями ушло вместе с уходом и той исторической эпохи, в которой жил Гераклит.

Тем не менее, дошедшие до нас свидетельства и фрагменты дают возможность разорвать гносеологический круг, т.е. позволяют судить о некоторых сторонах учения ионийского философа. Так, согласно его точки зрения космос один, он не создан никем из богов, никем из людей, но всегда он

«был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий»¹¹.

Гераклит видит в основе всего существующего единое, непрерывное материальное первоначало – огонь, который может переходить из одного состояния в другое. Эти состояния космоса, согласно учению Гераклита, представляют собой избыток и недостаток.

Таким образом, учение Гераклита о противоположностях, совпадая со взглядами милетских натурфилософов, уходит своими корнями в древнегреческую мифологию. Поэтому слово «космос» имеет значение структурно организованного и упорядоченного целого, своего рода «мирового порядка», «космической справедливости», исходным положением которой является идея компенсации, т.е. отношение должника и кредитора:

¹¹ Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. М., 1989. С.217.

«Имени Правды (Дике) не ведали бы, если бы не было этого»¹².

Последнее, свидетельствует о том, что изменение существующих вещей подчиняется у Гераклита природной необходимости, обусловленной взаимодействием противоположных начал. Гераклит уподобляет изменчивость бытия течению реки и говорит: «дважды нельзя войти в одну и ту же реку». Поэтому бытие характеризуется тем, что оно связывает то, чего уже нет, с тем, чего еще нет, т.е. прошлое с будущим. Следовательно, бытие – это процесс *уничтожения* старого и *возникновения* нового, т.е. становление. Гераклит стремится выразить его в сравнительных понятиях в качестве промежуточного термина, а значит через *противоречие*.

Прежде всего, философ исходит из признания относительности противоположностей: добра и зла, горячего и холодного, красоты и безобразия. В этом случае ему вполне достаточно сравнительных понятий «больше – меньше», поскольку одна сторона отношения может быть определена только по отношению к другой: твердое только по отношению к мягкому, сильное – по отношению к слабому и т. д. Здесь соотносятся две стороны, два понятия.

Но совсем другое дело, когда выражают в понятиях промежуточный термин, будь то промежуточное в рамках того или иного упорядоченного множества однокачественных объектов или же когда выражают становление. В этом случае сравнительные понятия «больше – меньше» не отражают существа дела, поскольку одно и то же соотносится не с одной стороной, как в первом случае, а одновременно с двумя сторонами. Это значит, что промежуточное относительно большего является меньшим, а относительно меньшего – большим, относительно горячего – холодным, а относительно холодного – горячим. Поэтому *противоречивость промежуточных состояний может рассматриваться как более сложная форма относительности*.

Перед Гераклитом возникает вопрос: каким образом в языке можно выражать противоречивость всего видимого многообразия промежуточных состояний, многообразие переходов между конкретными различиями вещей. Гераклит считает, что с помощью понятий «избыток» и «недостаток» или же «утверждение» и «отрицание». Поскольку по мнению философа, любое промежуточное свойство, взятое в одном отношении, является противоположным в другом отношении.

Изложение этой гераклитовской мысли находим у Ипполита:

«Море – вода чистейшая и грязнейшая: рыбам – питьевая и спасительная, людям – негодная для питья и губительная»¹³.

Поэтому для Гераклита противоречие объективно отражает промежуточное свойство, связанное одновременно с каждой из конкретно тождественных сторон.

Одностороннее подчеркивание постоянной изменчивости, относительности и противоречивости бытия, неумение найти средства для их выражения, также как и отрицание устойчивости явлений, привело одного из последователей Гераклита, Кратила к идее крайнего релятивизма. По словам Аристотеля, он только двигал пальцем и упрекал Гераклита за его слова, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды, ибо сам он полагал, что этого нельзя сделать и единожды. Признавая неопределенность, неконкретность противоречивого сочетания понятий, используемых Гераклитом при описании реальности, Кратил вообще отрицал какую-либо возможность правильно называть вещи.

Гераклит не разделяет идеи крайнего релятивизма, несмотря на то, что относительность была положена им в основу теории познания. Для него противоречие познаваемо, поскольку оно объективно существует и в качестве промежуточного тесно связано с отношением двух взаимообусловленных сторон. Поэтому, в древности на Гераклита уже смотрели как на отца релятивизма. При этом в учении Гераклита мы находим два вида противоречия: между избыт-

¹² Там же. С.214.

¹³ Там же. С.206.

ком и недостатком того или иного качества в процессах компенсации и декомпенсации и между двумя качествами, новым и старым, которые связаны между собой единым процессом возникновения и уничтожения. Если в первом случае противоречивое единство сторон обуславливает их синхронное уничтожение или возникновение, то во втором случае оно характеризуется «борьбой» сторон, возникновением одной и уничтожением другой:

«огонь живет за счет смерти земли, воздух живет за счет смерти огня, вода живет за счет смерти воздуха, земля за счет смерти воды»¹⁴.

Таким образом, учение о противоположностях является частью более общего учения Гераклита о гармонии, которую он понимал как циклический процесс:

«Единое, расходясь (враждуя) с самим собой, сходится (ладит), словно гармония лука и лиры»¹⁵.

Платон рассматривает этот фрагмент в своем диалоге «Пир»¹⁶. Из него видно, что величайший из греков совершенно не понимает своего не менее великого предшественника и соплеменника. Что же касается непосредственно учения Гераклита, то хотелось бы обратить внимание на то, что в зависимости от конкретной ситуации отношение противоположностей, взятых как избыток и недостаток относительно положения равновесия, может быть отношением компенсации, если противоположности, уничтожая друг друга, приходят в положение равновесия, или отношением декомпенсации, если промежуточное дифференцирует на противоположности. В первом случае Гераклит использует понятие «сходящееся», а во втором – «расходящееся». Увидеть это можно, наблюдая за стрелками весов, качающихся относительно положения равновесия.

В настоящее время принято считать, что в учениях ионийцев процессы компенсации и декомпенсации связаны между собой последовательно, т.е. таким образом, что вначале происходит один из этих процессов и, как только он завершается, ему на смену тотчас приходит другой, противоположный процесс. Однако в учении Гераклита это не так. Иначе ему вполне было бы достаточно образа весов, как нельзя лучше отражающего сказанное. Для Гераклита учение о противоположностях, разработанное еще милетскими философами, является частью более общего учения о гармонии, которую философ понимал как циклический процесс, как процесс *самодвижения*. Но этого не поняли ни современники Гераклита, ни его ближайшие потомки: Платон и Аристотель. Сегодня этого не могут увидеть и понять те, кто называет себя философами, а причина – отсутствие соответствующего понятийного аппарата.

Для выражения открытого Гераклитом процесса самодвижения и самоорганизации бытия в чувственно-наглядной, созерцаемой форме, в образе физического явления философ использует реальные вещи: *лук и лиру*. Поэтому и нам необходимо представить себе, как функционирует хотя бы одно из этих приспособлений. Для большей наглядности и простоты рассмотрим действие лука, при натяжении которого сообщаем ему запас потенциальной энергии. Когда же отпускаем тетиву, потенциальная энергия полностью превращается в кинетическую, что обуславливает полет стрелы и возвращение лука в исходное положение. На этом принципе работают все системы, колеблющиеся около положения равновесия, т.е. *осцилляторы* и как бы они не отличались друг от друга, их энергия всегда состоит из двух слагаемых. В данном случае из потенциальной и кинетической энергии.

Философская мысль Гераклита, по-видимому, угадывала связь между уничтожением одной из этих сторон (компенсация) и возникновением другой (декомпенсация), являясь предвосхищением одного из фундаментальнейших законов естествознания – закона сохранения

¹⁴ Там же. С.205.

¹⁵ Там же. С.199.

¹⁶ См.: Платон. Соч. в 3-х т. Т. 2. М.: «Мысль», 1970. С. 113 – 114.

и превращения энергии, идею которого философ мог осмыслить посредством сравнительных понятий: «сходящегося» и «расходящегося». Взаимосвязь этих понятий, совместно образующих единое, более сложное понятие: «сходящееся-расходящееся», по моему мнению, и составляет рациональное зерно и самую большую загадку учения Гераклита, сожалеющего, что его оппоненты

«не понимают, как враждебное находится в согласии с собой: перевернутое соединение (гармония), как лука и лиры»¹⁷.

И хотя древние прекрасно видели, что растягивание лука в средней части неизбежно вызывает его сжатие в перпендикулярном направлении, они, тем не менее, не могли понять причину самодвижения как отношения двух пар противоположностей, смещенных относительно друг друга по времени на четверть периода. Да что там древние, возьмите иного кандидата или доктора философии и он решительно не сможет понять о каких в сущности отношениях идет разговор.

Для Гераклита же, напротив, гармония лука и лиры определяется отношением двух пар противоположностей, связанных между собой промежуточными положениями под прямым углом, т.е. *ортогонально*. В любых осцилляторах, как мы знаем, эта связь организована таким образом, что если одна пара, уничтожаясь, сходится к положению равновесия, т.е. к промежуточному (компенсация), то вторая пара возникает из промежуточного и расходится (декомпенсация). Поэтому образ лука специально и был выбран философом для демонстрации того, как «единое» расходясь, например, в горизонтальном направлении сходится с собой в вертикальном направлении.

Таким образом, Гераклит нашел возможность передать свое понимание гармонии как отношение двух диад. Эта гармония проявляется в том или ином конкретном самодвижении: будь то колебание струны музыкального инструмента – лиры, действие лука или движение космического тела по орбите. При этом Гераклиту удалось создать такую совокупность понятий, каждое из которых представляет собой *понятие – процесс*: «сходящееся», «расходящееся» и «сходящееся-расходящееся». И если первые два понятия отражают взаимосвязь в рамках бинарных, антонимичных оппозиций, то последнее понятие отражает взаимосвязь четырех сторон, связанных между собой в одной точке под прямым углом. Это как раз и будет та точка, с позиции которой Гераклит смотрит на мир.

Обращает на себя внимание, что идея «единого», состоящего из четырех компонентов, очень древнего происхождения. В письменных источниках, например, она встречается еще в IX в. до н.э. при описании «первого дня творения». Книга Бытия рассказывает:

«Сказал всесильный: „да будет свет“; и стал свет. И увидел всесильный свет, что он хорош, и отделил всесильный свет от тьмы. И назвал всесильный свет днем, а тьму назвал ночью. И был вечер, и было утро: день один».

Кроме того, с самой глубокой древности люди выделяли четыре времени года: зиму и лето, весну и осень, что нашло свое выражение в древнем искусстве: у ацтеков, например, была четверорукая богиня жизни и смерти, двумя руками дающая жизнь, а двумя другими ее отнимающая. Было время, когда в античной мифологии и Аполлон также наделялся четырьмя руками¹⁸.

Итак, отношения двух пар противоположностей, наблюдаемые в объективном мире, послужили древнегреческим натурфилософам в качестве основания для самых широких обобщений, в частности, для распространения идеи цикличности на весь космос, где каждый новый цикл рассматривался как повторение предыдущего. Однако все эти мыслители за исключе-

¹⁷ Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. С.199.

¹⁸ См.: Михайлова Э. Н., Чанышев А. Н. Ионийская философия. М., 1966. С. 124.

нием Гераклита, так и не сумели ясно показать взаимосвязь между процессами компенсации и декомпенсации. Гераклит же, по-видимому, прочувствовал эту связь не только в физических явлениях, но и во всех аспектах бытия, поскольку он связывает возникновение и уничтожение миров как с гармонией лука и лиры, так и с обменом товаров:

«Все обменивается на огонь и огонь на все, подобно тому, как на золото товары и на товары золото»¹⁹.

Для философа обмен товаров столь же очевидное явление, как и действие лука, он находит эти процессы тождественными. Причем, для нас это высказывание интересно тем, что оно показывает, насколько *товарно-денежные отношения могут служить моделью вселенского обмена, насколько они вписываются в единый ритм космоса*.

Но всеобщий закон циклического движения, управляющий обменными процессами в природе и между людьми, осмысливался не только древнегреческими философами. Его пытались постичь многие. Примером тому служит другой мудрый человек – древнееврейский пророк Екклесиаст, который красиво и точно описал этот всеобъемлющий процесс в следующих строках:

«Род проходит и род приходит, а земля пребывает вовеки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь»²⁰.

Причем, только в учении Гераклита, и ни у кого больше, этот закон осмысливается посредством «разумного слова», «логосов», т.е. таких сравнительных понятий, которые позволили отражать процессуальность и самоорганизацию бытия, его структурное многообразие, ибо все течет не как попало, а повинуюсь объективным законам, которые можно выразить в теоретической форме.

Создавая науку о всеедином, Гераклит выделяет четыре вида единств, т.е. структурных многообразий, заимствуя их идею из внешнего, чувственно-воспринимаемого мира. Во-первых, это «единое» как нейтральная, однородная материя, которая лежит в основании бытия (середина). Из нее путем сгущения и разрежения возникают и уничтожаются все единичные вещи.

Во-вторых, «единое» – как некая непрерывная среда, которая относительно промежуточного положения дифференцирует на противоположности.

Третий вид «единого» – это еще более сложная структура, образованная отношением двух пар противоположностей, связанных под прямым углом в одной общей, промежуточной точке. Непрерывно чередуясь во времени, противоположности обуславливают упорядоченность вселенной и выражаются через гармонию лука и лиры.

Наконец, четвертый вид – это «единое», состоящее из всех противоположностей, которое и есть «мудрое» или бог. Ибо

«Бог: день – ночь, зима – лето, война – мир, избыток – нужда»²¹, т.е. все противоположности.

Можно предположить, что Гераклита не удовлетворяет ни деление «единого» на одну, первичную пару противоположностей, ни деление на две ортогонально расположенные пары,

¹⁹ Маковельский А. О. Досократики. Ч.1. С.162.

²⁰ Книга Екклесиаста, или проповедника, I, 4—7.

²¹ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М., 1989. С.236.

поскольку в каждой из противоположностей отчетливо видна своя, новая пара, которая также делится на противоположности. И Гераклит не мог этого не видеть.

2. Элеаты: «путь истины»

Парменид (ок. 540 – 470 гг. до н.э.) был современником Гераклита, но в отличие от последнего жил не в Ионии, а в противоположном конце греческого мира – в южно-итальянском городе Элея. Причем, то направление, которое он придал философии, в корне отличается от того, чему учил Гераклит. В итоге, оба учения навсегда остались олицетворением «противоположных», а, вернее, совершенно различных методов философии. Если Гераклит исходил из признания процессуальности бытия, то Парменид утверждал, что сущее неизменно. Если первый строил свое учение, опираясь на органы чувств, то второй связывает свою философию с опорой исключительно на разум.

Согласно Диогену Лаэртскому Парменид был учеником Анаксимандра, учился у Ксенофана, впоследствии примкнул к пифагорейцу Аминию. Его основной труд – поэма «О природе» состоит из Пролога и двух частей. В Прологе повествуется, как юный Парменид направляется к богине справедливости Дике, которая сообщает ему о том, что знание, опирающееся на чувства является всего лишь *мнением* (докса), тогда как *истина* является продуктом разума. В соответствии с этим одна часть поэмы называется «Путь истины», а другая – «Путь мнения».

Парменид не может вместить свою концепцию ни в рамки гераклитовской физики, ни в рамки пифагорейской математики. Подозрение ко всему релятивному, противоречивому приводит его к тому, что мир античных философов, который они осмысливали либо с позиции противоположного, либо соотнесенного, оказывается под сомнением. Пытаясь найти опору для разума, Парменид решает, что истинный мир является миром непротиворечивых классификационных понятий, тогда как мир качественных различий и соответственно противоречивых сравнительных понятий объявляется неистинным миром и переводится в разряд мнений: Поэтому мнением будет:

«Все, что приняли люди, за истину то полагая:

«Быть и не быть», «рождаться на свет и гибнуть бесследно»,

«Перемещаться» и «цвет изменять ослепительно яркий»²².

Эти строки показывают, что исходным положением Парменида было утверждение о том, что чувственному восприятию человека дан только изменчивый, текущий, противоречивый мир, тогда как вечное, неизменное, тождественное себе бытие, доступно только мышлению, исключаяющему относительность и противоречивость. А поскольку последнее обусловлено сочетанием в одно и то же время в одном и том же утверждении /А/ и его отрицания /не-А/, постольку одним из стоящих перед Парменидом центральных вопросов, был вопрос о конкретном существовании тех объектов, которые обозначаются противоречащими понятиями /не-А/, что в философском плане вылилось в осмысление вопроса об отношении бытия и не-бытия.

Рассматривая существующие единичные объекты и слова, которые их обозначают, например, камень, лес, река, Парменид, видимо, задумывается над вопросом, что обозначают противоречащие этим понятиям слова: не-камень, не-лес, не-река. Очевидно, что конкретные денотаты этих понятий просто не существуют:

«Решение – вот в чем:

Есть или не есть? Так вот, решено, как и необходимо,

Путь второй отместить как немислимый и безымянный

(Ложен сей путь), а первый признать за сущий и верный»²³.

Поэтому в «учении истины» выдвигается положение о том, что бытие, сущее, «А» **существует**, тогда как не-бытие, не-сущее, «не-А» **не существует**. Причем, и отдельные вещи,

²² Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М., 1989. С. 297.

²³ Там же, С. 296.

и бытие в целом едины, неделимы и неизменны, т.е. всегда тождественны себе. Это дает возможность всегда выражать их одним и тем же классификационным понятием. Ибо предлагаемая Парменидом точка зрения – это взгляд на мир с позиции абстрактного тождества $A=A$. В то же время, согласно учению Парменида, абстрактное различие «не-А» не может быть использовано в «учении истины», поскольку «не-А» не существует в реальности как некий единичный объект. По этой причине его невозможно ни познать, ни выразить в слове, а значит, его нет для разума. В мышлении должно быть лишь то, что есть в действительности. Отсюда согласно учению Парменида – тождество бытия и мышления.

«Ибо мыслить – то же, что быть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.